

УДК 902/904

О ЕЛОВОЙ ШИШКЕ, СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКЕ И ПЕРЕМЕНАХ КЛИМАТА

© 2017 г. А.С. Сыроватко

В статье рассматривается гипотеза О.А. Лопатиной о том, что один из видов сетчатого отпечатка на керамике дьяковской культуры мог наноситься путем прокатывания сердцевины еловой шишки по поверхности сосуда перед обжигом. Автор отмечает, что для дьяковских поселений на Средней Оке и в низовьях Москвы-реки, где ель встречается редко, керамика с отпечатками этого типа распространяется с началом субатлантического периода и выходит из употребления в последние вв. до н.э. Таким образом, ее распространение совпадает с т.н. похолоданием раннего субатлантикума (ESA). Делается вывод о возможной взаимосвязи между распространением керамики этого типа и колебаниями ареала ели, сдвинувшего свою границу на юг в холодный ранний субатлантический период.

Ключевые слова: дьяковская культура, Средняя Ока, Москва-река, еловая шишка, ареал ели

В более чем столетней истории изучения сетчатой керамики дьяковской культуры совсем недавно случилось очередное событие. Речь идет о выдвинутой О.А. Лопатиной (2015) версии, согласно которой, по крайней мере, одна из групп сетчатых отпечатков наносилась на поверхность сосуда путем прокатывания сердцевины еловой шишки, предварительно ошелушенной. По мнению автора гипотезы, чешуи шишки могли удаляться человеком или грызунами, и следы на поверхности сосудов в этом случае различались. Эксперименты довольно убедительно продемонстрировали сходство с отпечатками, которые в литературе имеют разное название – «ногтевые», «полулунчатые», «двойной штрих», «рябчатые» с «мелкоячеистой фактурой» (Чернай, 1981; Фоломеев, 1998; Сыроватко, 2009; Сидоров, 2009). Сетчатые отпечатки этого типа (пример их показан на рис. 1) распространены не повсеместно. Еще К.А. Смирнов отмечал, что для Средней Оки вообще наиболее характерными являются «текстильные» («нитчатые») типы, в то время как для Верхневолжского региона типичны «рябчатые» (Смирнов, 1991). Наши сравнительные наблюдения за коллекциями керамики с памятников р. Оки и Верхней Волги подтверждают этот вывод, больше того, «мелкоячеистые рябчатые» отпечатки (так и хочется назвать их еловошишечными) типичны именно для Верхней Волги и Москвы-реки, хотя это далеко не единственная фактура отпечатка, встречающаяся в этих регионах (Сыроватко, 2009, с. 118–123). На памятниках Средней Оки и в низовьях Москвы-реки этот тип отпечатка также встречается. Однако его употребление довольно ограничено – на

«коломенских» поселениях керамика с отпечатками этого типа сменяет керамику типа Климентовской стоянки (с «нитчатым» отпечатком), приблизительно в VII–VI вв. до н.э., а уже в конце III–II вв. до н.э. в комплексах начинает преобладать керамика с «нитчатым» отпечатком. Выше устья р. Осётр, на «каширских» поселениях, керамика с «елово-шишечной» фактурой встречается еще реже. Не случайно И.Л. Чернай в обиходе «нитчатую» керамику называл просто «окской», а «рябчатую» – верхневолжской.

Если принять версию О.А. Лопатиной о способе нанесения «мелкоячеистого рябчатого» отпечатка, неизбежно возникает вопрос об обеспечении местного населения соответствующими «инструментами». В настоящее время южная граница ареала ели проходит по левому берегу Оки, и ареал этот сформировался в эпоху «малого ледникового периода», особенно в холодную первую половину XX в. Однако в предшествующие эпохи климат не был столь суров¹, и вопрос о границе распространения ели превращается в вопрос перепроверки гипотезы О.А. Лопатиной.

Автор уже высказывал мысль о том, что распространение «мелкоячеистой рябчатой»

¹ Например, в Щурово в отложениях селищ IV–VII вв. и могильников VI–X вв. пыльцы ели почти не найдено, что объяснимо – захоронения грунтового могильника Щурово приходятся на т.н. «малый климатический оптимум голоцена», приходящегося на вторую половину «Эпохи викингов». Единственное исключение – это обгоревшая пыльца ели в слое грунтового могильника с кремациями. Это обстоятельство позволило предположить, что ель не росла в окрестностях могильника и, поскольку, вероятно, играла важную роль в погребальном обряде, доставлялась на могильник издалека.

фактуры отпечатка на керамике совпадает с фазой похолодания начала субатлантического периода (Там же, с. 208–210). Наиболее подробно эпизод похолодания раннего субатлантического времени рассмотрен В.В. Клименко (2004), в русскоязычной литературе этот эпизод описан и другими авторами (Дергачев, 2006, с. 532–534). Согласно современным представлениям, период похолодания ESA (EarlySubatlanticAge) приходится на интервал 650–280 гг. до н.э. с кратковременным промежуточным потеплением между 450 и 380 гг. до н.э. (Клименко, 2004, с. 13–19). К тому массиву данных, которые были собраны В.В. Клименко, можно также добавить выводы, сделанные Е.А. Спиридоновой и А.А. Алешинской (2004) на основании спорово-пыльцевых разрезов из культурного слоя дьяковских городищ, в т.ч. и «коломенской» группы. Они также отмечают общее похолодание и распространение темнохвойной тайги в период ESA в окрестностях дьяковских городищ.

Данных о колебаниях ареала ели по Средней Оке в настоящее время попросту нет. Ближайшие палинологические разрезы исследованы в районе Куликова Поля, в бассейне Верхней Оки, в Центрально-лесном заповеднике и на Смоленско-Московской возвышенности (Новенко, 2016). Часть из них в южной части территории содержат минимум пыльцы ели в интересующий нас период или не содержат ее совсем, что объяснимо. Однако те, что исследованы в Московской и Тверской областях, в центре Восточно-Европейской равнины, согласованно указывают на увеличение количества ели (выраженное, разумеется, в росте доли пыльцы ели в спектрах) после 3000 кал.л.н., а сокращение ареала и замещение ели березово-сосновыми лесами происходило в течение последних двух тысячелетий. По разрезу из оз. Долгого в Московской области известна даже радиоуглеродная дата для максимума пыльцы ели, приходящаяся на VI в. до н.э. (вероятно, Е.Ю. Новенко привела ее в некалиброванном виде – см.: Новенко, 2016, с. 188).

Следовательно, несмотря на то, что среднее течение р. Оки протекает по южной границе

лесной зоны и по ее берегам сформировались уникальные очаги степной растительности, т.н. «окской флоры», в отдельные периоды ареал ели мог сдвигаться и южнее р. Оки. Представляется особенно важным, что распространение на городищах «коломенской» группы «нитчатой» керамики, сменившей «мелкоячеистую рябчатую» («еловошишечную»), начинается в конце III – начале II в. до н.э. (Сыроватко, 2009, с. 120, 209), что совпадает с началом т.н. «потеплением римского времени» (Клименко, 2004, с. 19; Дергачев, 2006, с. 37, 38). Не менее важно, что в период похолодания ESA «нитчатые» фактуры отпечатков на керамике были распространены южнее, в рязанском течении р. Оки, и именно на этих территориях следует искать истоки «второго пришествия нитчатой керамики»² на «коломенские» и «каширские» поселения.

Таким образом, наш вывод заключается в том, что распространение керамики, отпечаток на которой наносился ошелушенной еловой шишкой, может быть увязан с **колебаниями ареала ели, который, в свою очередь, связан с колебаниями климата.**

Является ли такая взаимосвязь прямой (что вряд ли) или опосредованной (скорее всего), имеющиеся источники ответа не дают. Представляется очевидным, что южное пограничье ареала ели вряд ли являлось той территорией, на которой эта технология зародилась. Но распространение такого типа отпечатка необязательно должно увязываться с перемещением населения (миграция ёлок, а не людей), хотя именно миграция нового населения в условиях похолодания как объяснение выглядит логичнее. Расширение ареала ели на юг в этих условиях выглядит скорее фоном, хотя без такого расширения новая технология не распространилась бы на юг. Смена же керамики этого типа более южным³ вряд ли может быть объяснена только сокращением ареала ели в период потепления – этот процесс не мог быть таким стремительным, каким стало распространение «нитчатых» фактур отпечатка и активное оборонительное строительство на Средней Оке.

ЛИТЕРАТУРА

Лопатина О.А. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 163–171.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

² Под «Первым пришествием» следует понимать распространение керамики типа Климентовской стоянки в период финальной бронзы.

³ Речь идет только о Средней Оке.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1998. С. 79–105.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмоскovie в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеВук, 2009. 352 с.

Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Институт археологии РАН, ТАУС, 2009. 216с.

Смирнов К.А. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий / Отв. ред. В.В. Седов. Тверь: ТверГУ, 1991. С. 12–22.

Клименко В.В. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. М.: МЭИ, 2004. 144 с.

Дергачев В.А. Кольцо дерева, радиоуглерод и природные процессы: Приложение III // Г.А. Вагнер. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. С. 503–536.

Стиридонова Е.А., Алешинская А.С. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия по н.э. по II тысячелетие н.э. // РА. 2004. №3. С.33–43.

Новенко Е.Ю. Изменения растительности и климата Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене в межледниковые и переходные этапы климатических макроциклов. М.: ГЕОС, 2016. 228с.

Информация об авторе:

Сыроватко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, директор, МБУ «Коломенский археологический центр», (г.Коломна, Россия); arxeolog-net@rambler.ru

FIR CONES, TEXTILE CERAMICS AND CLIMATE CHANGES

A.S. Syrovatko

The paper considers a hypothesis advanced by O.A. Lopatina, according to which one of the types of textile imprints on the ceramics of the Dyakovo culture could have been applied by rolling the core of a fir cone over the surface of the vessel prior to firing. As noted by the author, Dyakovo settlements in the Middle Oka and the lower reaches of the Moskva river, where fir trees are rare, the distribution of ceramics with this type of imprints started simultaneously with the beginning of the Sub-Atlantic period and ceased in the last centuries B.C. Thus, its distribution coincides with the so-called cooling of the early Subatlanticum (ESA). The author concludes that there was a possible relationship between the distribution of this type of ceramics and the variations in the distribution area of fir trees, which shifted to the south during the cold Early Sub-Atlantic period.

Keywords: Dyakovo culture, Middle Oka, Moscow river, fir cone, fir-tree distribution area

About the Author:

Syrovatko Aleksandr S. Candidate of Historical Sciences, MBU Kolomna Archaeological Centre, Kremlevskaya str., 5, Kolomna, 140400, Russian Federation; arxeolog-net@rambler.ru